

Антон Соловьев

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

Антон Соловьев
Последнее время (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41515067

Последнее время:

ISBN 978-5-89826-574-8

Аннотация

Представленные в сборнике рассказы и стихи затрагивают философские, метафизические вопросы. Их раскрытие происходит не по средствам строгих формулировок и заключений, а с помощью чувств и ощущений, пробуждаемых данными произведениями.

Содержание

Рассказы	5
Семеро их	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Антон Соловьев

Последнее время

© Соловьев А.? 2018

© «Прогресс-Традиция», 2018

*** * ***

Рассказы

Семеро их

*Речь и слово только тогда присутствуют в событии символа, когда и поскольку совершается согласие и взаимоудержание себя друг в друге.
М. Хайдеггер «Основные понятия метафизики»*

*Когда человек не в силах понять вещь, он над ней смеется.
Из дневников Л. Н. Толстого*

Глава 1

Серым сентябрьским утром Алексей проснулся с часто посещавшей его в последнее время головной болью. Утро определенно не располагало к себе, оно будто не замечало ничьего пробуждения, и оттого Алексею не хотелось обращаться на него никакого внимания, как на неприятного соседа, но и уйти обратно в сон не получалось.

– Утро туманное, утро седое, – не вкладывая тургеневского смысла в слова, Алексей пошутил, как ему показалось, тонко, чтоб поднять себе настроение, и лениво сел, сунув

ноги в тапки.

Алексей был студентом третьего курса филологического факультета. Выбрал он сие направление, как и большинство студентов нашего времени, не по разумению, но по воле случая, как он сам шутя говорил: «Поступил потому, почему яблоко падает осенью с ветки», – ловко, опять же, как ему самому казалось, показывая свое знание наших классиков. Вскоре после поступления Алексею, как ни странно, полюбилась филология во всех ее проявлениях, но любила она в свою очередь только под настроение, которое было крайне переменчивым.

Проживал, не желая того, но не имея возможности переехать, с родителями. Внешностью обладал рядовой с элементами угловатости: худое телосложение, острый нос, короткие, темные волосы, рост выше среднего, и так далее. Может быть, только глаза обращали на себя некоторое внимание своим резким, смешливым вопрошанием. Часто перед другими сравнивал себя с Северяниным, когда беседа приближалась к вопросу антропологии, тем самым будто бы ловко ставя этот вопрос в ряд крайне незначительных перед, как он сам говорил, «вопросами внутреннего потенциала». Схожесть же между ним и поэтом, как было замечено одним из его знакомых, была такая же, как схожесть между страусом и жирафом. В целом Алексей был типичным, но, конечно, не для самого себя, и потому действительно типичным молодым человеком. Таковым он предстал перед всем и вся

до недавнего времени, в последние же несколько недель его поведение существенно изменилось.

Любивший всегда выказать свое умозаключение, стрелкнуть сарказмом, вдруг замолчал. Он принял вид крайне задумчивого человека, подолгу смотрел в одну точку, но при этом не имел признаков депрессии и следов болезненного несчастья. Произошло следующее: около месяца назад, как он сам для себя сформулировал, «кто-то свистнул внутри него», – это был не он, точнее, не его часть или нечто ему не принадлежащее. Оно обратило на себя внимание, и весь его юношеский вихрь задора остановился на месте, но не исчез, а направился в другую сторону – в себя. Это нечто представлялось ему то ли на миг сформулированной, но потом сразу забытой, то ли вовсе не оформленной, но готовой вот-вот появиться мыслью. Это нечто вызывало в нем бурю сложных, тяжелых, но оттого чрезвычайно интересных ощущений, которые переполняли его. Пропуская непрерывно весь свой мир через себя, он высматривал это нечто, которое при своем обнаружении должно было преобразиться, по мнению Алексея, если не в судьбоносное, то в явно значимое умозаключение.

В это утро он отпустил те мысли из-за головной боли, которая только одна и заставляла их отпускать, приходя с утра чуть ли ни через день, вызывая при этом прескверное настроение, а потом, спустя короткое время, вмиг исчезая.

Резко затрезвонил телефон ненавистным уже рингтоном.

«Маша» – высветилась надпись на экране телефона, сообщавшая, что звонит его давнишний друг Михаил.

Дружили молодые люди для демонстрации самих себя, своих способностей, силы, навыков друг другу, вследствие чего по средствам превосходства перед друг другом каждый утверждался перед самим собой, и потому каждый друг для друга был крайне необходим. Особенно ожесточенно кипела дружба в так называемой интеллектуальной сфере, где Алексей всегда оказывался выше любимого друга.

– Да, – поднеся трубку к уху и секунды две помолчав, вымолвил Алексей.

– Привет, Алёша, – зная, что Алексею не нравится, когда его так называют, поздоровался друг.

– Говори.

– О чем прикажет молвить Его Величество?

– Миха, ну говори, голова раскалывается, – но почувствовав, что головная боль уходит, добавил. – Здорово.

– Что здорово? Почему ты не на субботнике? Староста не отметит, придется через деканат отмечаться.

– Я еще успею? – со вздохом спросил Алексей, сделав такой тон, будто весь этот диалог между друзьями нужен Михаилу, а ему самому плевать и на деканат, и на старосту, и на самого Михаила.

Михаил, для веселья решив поддержать такой разговор с таким распределением ролей, понизив тембр голоса, сказал:

– Конечно, если через секунду наденешь трусы, а через

сорок будешь стоять на остановке. Вперед! Пора, мой друг, пора...

Алексей, почувствовав, что головная боль ушла, порадовавшись этому, выдохнул в трубку телефона, передавая усмешку на тот конец линии.

– Я не люблю иронии твоей, оставь ее, – и через паузу с недобрый сарказмом добавил, – мой друг.

– Стой, забыл, откуда это?

Но Алексей уже нажимал красную кнопку на телефоне.

С удовольствием Алексей обнаружил, что дома никого нет, родители были на работе. Молодой человек собрался примерно минут за пять-шесть и перед выходом выглядел соответствующе. Решив устранить изъяны в своем виде по дороге, правда, еще не зная как, он выскочил в подъезд и побежал вниз по лестнице.

Пролетев один пролет, Алексей наткнулся на своего соседа, на которого он натыкался всю свою сознательную жизнь, уходя из дома или возвращаясь обратно. Феноменальное постоянство этих встреч, не знающее временных, погодных или каких-либо еще исключений, заставило бы обратить на себя некоторое внимание постороннего человека, но Алексей из-за привычки, всегда и у всех убивающей здравый рассудок, удивился бы, если б было как-то иначе. Молодой человек всегда встречал соседа, согнутого своим всегда голым торсом над раскрытым ящиком для картофеля, в никогда не сменяемых штанах, которые были сшиты ему на «пять раз-

меров» больше, как казалось Алексею, из двух мешков из-под картофеля, которые держались на капроновой веревке вместо ремня; и потому неудивительным было то, что Алексею казалось в детстве, что сосед имеет явно картофельное происхождение. Звали соседа дядя Петя, причем звал его так не только Алексей, так его звали все: дети и старики, мужчины и женщины, его домашние, почтальон, участковый, дворник, Алексею в детстве кто-то из дворовых ребят сказал, что так было записано в его паспорте во время войны и что даже его собственная мать называла его дядей Петей: «Такое редко бывает, но бывает, ведь в мультике тоже был маленький мальчик дядя Федор», – сообщил дворовый информатор.

– Здравсте, дядь Петь, – не по-филологически, а по детской привычке крикнул Алексей, в очередной раз с укоризной подловив себя на этом.

Сосед повернулся и уставился на молодого человека. Обвисшая кожа, будто как и его штаны, была наброшена небрежно, из-за чего не закрывала область под глазами, и потому из-под каждого глаза, мягко говоря, неэстетично выглядывал кусок красного мяса; но эта особенность была всегда и не обращала на себя внимание.

Алексея резко удивило другое – сам взгляд. Казалось, что сосед не видит парня, причем не видит не по причине слепоты, а по причине будто бы отсутствия перед ним кого-либо, или даже потому, мелькнул второй более точный вариант в голове Алексея, что не было самого смотревшего – соседа.

Такое нездоровое положение дел на лестничной площадке продолжалось секунд десять, показавшихся молодому человеку полноценной минутой, и все это не пробудило в нем чувство страха или беспокойства, а напомнило о том непонятном, что занимало Алексея последний месяц.

– Здравствуй, Алеша, – сказал старик, после чего как будто все бытие вышло из паузы, и спросил: – В школу побежал?

Алексею было двадцать лет, и выглядел он не младше, а даже старше своего возраста.

– Да, дядь Петь, нонче в пятнадцатый класс пошел, – без улыбки сказал Алексей и с надменной серьезностью посмотрел на старика. Тот, конечно, не понял этой шутки и опять уставился на парня, но уже не тем странным взглядом, а теперь просто старческими, непонимающими глазами.

– Батя дома? – резко заорал сосед. – Нет.

– Зайду к нему за плоскогубцами, свои куда-то задевал, хорошие были, сейчас таких нет, положил, куда тридцать лет ложил, ну вот куда? – развел руками старик. – Наверное, Сашка поросенок утащил куда.

Алексей уже был на этаж ниже.

– Зайдите, дядь Петь, зайдите, – крикнул он.

Через пять минут молодой человек уже стоял на остановке в ожидании автобуса. Ждать почти не пришлось, автобус подошел сразу, что было принято Алексеем за добрый знак. Так же, как и множество других студентов, он был запутан в этом суеверном узле транспорта и удачи, за что всегда себя

– интеллектуала – попрекал.

Двери распахнулись, и небольшая толпа людей ринулась внутрь пустого автобуса. Зашел первый человек, второй, третий, но четвертый внезапно остановился. Люди забурили и стали, слегка задевая, обходить остолбеневшего и залазить в автобус. Алексей ловко обошел все препятствия, заскочил на подножку, прыгнул на заднее место, находившееся на возвышении, и повернул голову, чтоб глянуть на вкопанного мужика. Удивление охватило Алексея так, что он и сам был обездвижен; взгляд человека был точь-в-точь таким же необъяснимым, безжизненным и застывшим, как у соседа десять минут назад. Двери закрылись, оставив вкопанного на остановке. Автобус тронулся, и что-то заставило сделать этого аномального недопассажира четыре шага назад. Алексея озарила догадка, он вспомнил, где еще видел этот взгляд, помимо как у этого на остановке и соседа. Не так давно он смотрел документальный фильм, точнее документальные кадры без звука, коих с лихвой хватает в Сети, где были запечатлены лица покойников с открытыми глазами.

– Они становятся мертвыми, и что-то движет ими, – с ужасом сам себе прошептал Алексей, – будто биологически они остаются, а душа уходит... Или нет! Будто одно тело и остается, а все остальное уходит. Нет, тоже не так, – неуклюжими мыслями, тщетно пытаюсь найти истину, кипел Алексей, понимая, что эта детективная линейность ни к чему не приведет.

– Дворец пионеров, – еле понятно вырвалось из динамика над дверью, словно сюда – в автобус – везли с космического корабля, подлетающего к Луне.

– Как? Уже шесть остановок проехали? – спросив не понятно у кого, уже уставший удивляться, еле удивился Алексей.

Осмотревшись и увидев вокруг себя других пассажиров, неподвижно уставившихся на бесцветную картину за окном, уснувшего кондуктора, на Алексея навалилась странная лень, как тяжелая бетонная плита, обездвижив все его мысли, которые из последних сил выдали заключение – тот человек ненормальный, а сосед... – плита лени, возникшая из этого ненормально усыпляющего автобуса, довела дело до конца, молодой человек застыл с выпученными глазами в безмысленном состоянии.

Глава 2

Алексей вышел на своей остановке и, не помня, зачем он сюда приехал, направился в сторону своего корпуса.

То, что произошло с ним далее, заставило бы его удивиться, если бы это То не лишило самой способности удивляться.

Пройдя несколько метров, он почувствовал какую-то необъяснимую слабость, схожую то ли с легкостью, то ли с невесомостью всего окружавшего, словно он оказался в вакууме. Что происходило с ним следующие несколько минут,

было неведомо самому Алексею. Все его тело, все чувства и даже мысли – все его существо остановилось; нельзя сказать, что весь он исчез, но он будто бы перестал быть. Чувства, как палец с засохшим на нем суперклеем, потерявший способность осязания, были словно в самих себе – существовали, но не чувствовали. Мысли тоже не исчезли, но каким-то необъяснимым образом не двигались, будто застыли, их не становилось больше или меньше – все застыло, но не ушло.

Вдруг Алексей очнулся и обнаружил себя в другом месте, его как будто вновь подключили к миру. Он в обычном смысле не помнил произошедшее с ним только что, но ощутил то самое состояние, которое ощущал последний месяц, и теперь неотчетливо, но все же осознавал, что это состояние не вызвано какой-то идеей, как он сам думал до этого момента, которая должна вот-вот появиться, он догадался, что эти необычные поиски внутри себя связаны не с чем-то рождающимся, а с чем-то уже давно родившимся и жившим внутри него.

Его резко кто-то откуда-то окликнул, Алексею показалось из-за спины, не угадав, он начал по-дурацки суетливо вертеть головой и очень удивился, когда прямо перед собой увидел свою знакомую. Эта знакомая была в прошлом его любовницей, если такое слово можно применять в студенческие годы. Причем статус прошлой любовницы вовсе не означал нечто прошедшее, а наоборот, оповещал о перспективе будущих все тех же любовных отношений. Звали пре-

одолевшую законы времени любовницу как нельзя любовней – Любовью.

– А, привет, Люба, – не своим самоуверенным и всегда многозначным, а каким-то растерянным тоном поздоровался непохожий на самого себя молодой человек.

– Привет, Леш, что с тобой? – не заботливо, а удивленно спросила девушка, рассматривая и уже ища в парне что-то, что могло бы хоть на миг, хоть эстетически доставить удовольствие ее постоянно алчущему любовных наслаждений нутру.

Любовные отношения между Алексеем и Любовью были недолгими, по форме довольно романтическими, но по сути крайне эгоистическими. Каждый из них пользовался другим как инструментарием для утоления множества своих желаний. Молодой человек когда-то ночью в комнате общежития при свете луны читал стихи этой обнаженной Любви и поймал себя на мысли, что пиитствует он только потому, что ему самому это нравится; нравится ночь, комната, луна, нравится читать стихи, нравится девушка, но что она чувствует и думает, и нравятся ли ей стихи, луна и ночь, молодого человека несколько не интересовало. Девушка была также не из разряда жертвующих собой ради счастья других; так и в отношении с Алексеем она не стремилась растворить себя в жизни молодого человека, потому как был еще Александр, живший в общежитии на два этажа выше, а также Павел – одноклассник, а также Евгений, редко появлявшийся во время

общажных вечеринок непонятно откуда, как будто из воздуха, а потом таким же образом исчезающий. Алексей вписывался в ее умственные и телесные критерии, а также с трудом, но все же пропускаясь по критериям финансово-продовольственным. Прекратили любовники свои отношения из-за каких-то мелких внешних обстоятельств, которые не желал решать никто из них. И потому молодые люди смотрели друг на друга сейчас – Алексей уже почти пришел в себя – как деловые партнеры, расторгшие договор, но осознающие немалую возможность заключения нового контракта на взаимовыгодных условиях.

– Голова что-то кружится, – с улыбкой ответил Алексей, не желая казаться больным.

– Наверное, вчера до ночи кружился, вот и кружится, – пошутила девушка. Алексею понравилась шутка. – Пойдем со мной? Я к Натахе иду на день рождения, они у «никому» собрались.

«Никому» было местом, где стоял огромный, грязный, уже без надписей мраморный постамент, на котором когда-то стоял памятник Ленину, но во времена оны, когда произошли всем известные исторические метаморфозы, тот самый памятник куда-то делся. Один из преподавателей по философии, склонный к метафизическим изречениям, говорил, что он видел, как памятник сам ушел. Но как бы там ни было, теперь на постаменте памятника не было, и потому бойкий студенческий ум когда-то заключил, что теперь это

памятник «никому».

– Кто такая Натаха? – шутливо хмуря брови, спросил Алексей.

– Ну, Натаха! Со мной в группе учится, с зеленой челкой, – игриво возмутилась и закатила глаза Люба.

Люба училась на факультете рекламы и дизайна и считала себя личностью творческой, стараясь демонстрировать это всем своим видом, вращаясь в круге подобных ей демонстрантов. Алексей относился к этой группе мелкобогемных устремлений с превеликим презрением и говорил ее представителям во время случайно-совместных общажных алко-творческих вечеров, что они – псевдобогема – прикрываются пустой творческой формой, по сути же являясь ультрафилистерами и маргиналами; а потом Алексей, радуясь своим красноречивым умозаключениям, продолжал: «Вы выдумываете себе роли с помощью этого пустого стиля, прикрываете этими образами свою пустую сущность, вы сами по себе для самих себя незначимы и самим себе неинтересны и потому не хотите оставаться с самими собой наедине и со всей силы пытаетесь прикрыть пустоту своей сути разными погремушками, тем самым, по сути, закрывая свою суть», – и, добивая, добавлял: «Конечно, кому интересна и приятна пустота!» Этими небезосновательными речами Алексей вызывал в свою сторону потоки неистовых проклятий, ругательств и даже однажды нескольких попыток физических отмищений со стороны взбесившейся местной Жанны Агуза-

ровой. После чего в чаду ненависти, оскорблений и нападок каждого друг на друга Алексей, опьяневший сперва от вин, потом от водок, начинал мнить себя представителем авангардной интеллигенции начала двадцатых годов прошлого века, в сумасшедшем виде заскакивал на стул и выкрикивал какие-то неуместные стихотворные изречения Серебряного века, а потом, когда его толкали и перебивали, неистово орал: «Это я глубинно-творческий человек, я!»

– Слушай, Люб, у меня там с твоими не очень ладно, – с усмешкой тихо сказал Алексей. – Да еще и на субботник надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.